

Надеждинская ул., 32. Телефонъ № 61-59

Название газеты

ПРОТІВЪ ТУЧВІЯ

« П В »

Мѣсто выхода ея:

Дата и №

ТЕАТРЪ.

Плачь театрала.

У москвичей и Художественный театр, и дѣль Шеккина, и замысанный К. Н. Ислюбинъ, и старый добрый Коршъ, а у насъ выставка древностей—Александринка, да балаганъ дѣла Суворяна и больше ничего.

Вѣдныя мы, штерцы, бѣдныя!..

Правда, баронъ Дризень угрожаетъ намъ „Стариннымъ театромъ“, г-жа Вехудъ хочетъ удивить „комедией и драмой“, значная сезонъ пьесой „юнаго“ Потапенка, и еще кто-то собирается ликвидировать на Троицкой, якобы при ближайшемъ участіи группы литераторовъ-юмористовъ, однако сами „юмористы“ заявляютъ, что все это одна прокламація... Да и вообще въ Петербургѣ, мѣтъ кажется, всякое театральное предприятие—одна прокламація, за исключеніемъ оперетты и шантана. Впрочемъ и этого жанръ не всегда производится, примѣръ—Бюстачная „Аркада“.

Печальная участь Александринки объясняется, конечно, кавалерійскимъ управленіемъ г-на Теляковского, справлявшего недавно 10-лѣтній юбилей своего „командованія“ казенными театрами. А еще хуже изъ жалкой участи этого храма казенной Мельпомены повинился вѣткій „Илюдоръ въ юбкѣ“, какъ выразился въ „Рѣчи“ высокоуважаемый Д. И. Философовъ.

Дѣйствительно, кто садится за дѣятельностью Александринскаго театра съ достаточнымъ вниманіемъ и не первый десятокъ лѣтъ, тому прежде всего бросится въ глаза быстрое исчезновеніе съ этой сцены выдающихся артистовъ. Такъ исчезли Ильинская, Стрепетова, Рошина, Паскалова и даже послѣдняя, лучшая всенная русская сцены В. Ф. Комиссаржевская. И есгды за исчезновеніемъ вѣтъхъ артистовъ бросается въ глаза одно неотъемлемое свойство водарившагося на этой сценѣ репертуара, а именно: почти въ каждой пьесѣ нмѣется роль „свѣтлой личности“ для г-жи Саввиной, т. е., короче, репертуаромъ завладѣвають г. г. Карповъ и Рышковъ. И этотъ сценическій прогрессъ завершается даже прямо откровенной, беззастѣливой Ходотовской „Госпожой пошлостью“ въ ювычкахъ, которыхъ могло бы и не быть. Но, повторяю, роль „свѣтлой личности“ для г-жи Саввиной во всякой пошлости Александринской сцены обязательна.

Но кавалеристы во главь театра и Илюдоръ въ юбкѣ на сценѣ, конечно, не могли бы окончатально убить дѣла, если бы у нихъ не было просвѣдѣннаго сообщника въ лицѣ почтеннаго профессора Котларевскаго. Сей ученый мужъ приглашаетъ заведѣвать репертуаромъ, очевидно, только потому, что онъ органически, всѣми фибрами своей души ненавидитъ театръ. И напрасно авторы обращаются къ нему съ запросами о судьбѣ своихъ пьесъ, и напрасно артисты пытаются узнать отъ него о распредѣленіи ролей въ намѣченныхъ къ постановкѣ пьесахъ,—на всѣ вопросы, относящіяся къ дѣлу, которое ему поручено, профессоръ съ унылымъ однообразиемъ отвѣчаетъ:

— Это меня, собственно, не касается.

При такой комбинаціи регулирующихъ факторовъ, судьба Александринскаго театра является, конечно, совершенно безнадежной.

И остается только пожалѣть, что на подобной сценѣ должны раскочевать мощь своихъ талантовъ Давыдовъ, Варламовъ и другіе крупные артисты.

Еще хуже обстоитъ дѣло въ Суворинскомъ театрѣ.

Не касаясь исторіи этого театра, я остановлюсь только на послѣдней новинкѣ, которой онъ насъ порадовалъ.

„Возвращеніе Одиссея или Женская вѣрность“ г-на Кузьмина.

Если бы я былъ Буренинымъ, то непременно перефразировалъ бы это названіе такимъ образомъ:

„Извращеніе Одиссея или Мерзкая свекрость“.

Въ самомъ дѣлѣ, что это такое?

По мнѣнію автора, „комическая опера“, по мнѣнію рецензентовъ,—просто „оперетта“, а, по-моему, это типичное балаганное „представленіе“.

Здѣсь и кацадно-балаганная музыка, и безвонечная клоунада, и борьба и даже пошечныя, недостаетъ только „манежнаго галопа“.

Содержаніе или, вѣрнѣе, отсутствіе содержанія таково: Пенелопа притворилась скужающей по отсутствующему Одиссею; женихи неотступно преслѣдуютъ соломенную вдовушку и она днемъ ихъ взаменяетъ, а ночью по очереди... переизменяюваываетъ; море выбрасываетъ потерѣвшаго крупнѣе Одиссея на берегъ Итаки и царь является къ Пенелопѣ подъ видомъ странника, чтобы провѣрить распространяемые о дарницѣ дурные слухи; Пенелопа узнаетъ хитроумнаго мужа и при всѣхъ даетъ ему за недоувѣріе затрощину, припѣвая:

„Довѣрье, довѣрье,
Оно всесильно, нѣрзъ я“.

Вся пьеса пересыпана пошаческими злободневными куплетцами объ Исаакіевскомъ свекрѣ, о второй очереди трамвая въ т. п. Коршъ только куплетъ, въ которомъ говорится, что Мейерхольдъ собирается хоронить „Живой трупъ“ Толстого.

Жаль артистовъ, обязанныхъ принимать участіе въ этой балаганщинѣ.

А еще болѣе жаль Сапунова, давшего для пьесы свою дивную декорацию и великолепные эскизы костюмовъ.

И какъ это изыскаанный эстетъ Кузьминъ позволялъ себѣ подобную пошлость! Когда талантливый человѣкъ дурачится, здѣе это можетъ быть очень мило, и тонко, и остроумно. Примѣръ „Забава дѣлъ“ того же Кузьмина. Но когда талантливый человѣкъ грубо и пошло балаганитъ, это тяжело и больно.

Такъ вотъ какіе мы, питерскіе театралы, несчастные: и справа и слева, вмѣсто пьесъ, насъ угощаютъ самой унылой и самой безпросвѣтной пошлостью.

Сергѣй Недоимъ